

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

16—17 февраля 2012 года на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась первая международная молодежная текстологическая конференция, организованная молодыми учеными кафедры истории русской литературы. Мероприятие собрало докладчиков из России, Италии, Эстонии и Украины. Участники на широком материале русской и зарубежной литературы от средневекового периода до произведений XX века обсудили вопросы датировки, комментирования, перевода и научного издания. В основу работы конференции был положен хронологический подход, состоялось шесть заседаний.

Первая секция была посвящена установлению источников, датировки и автор-

ства памятников средневековой письменности. Секцию открыл доклад А. Сухоручкина (МГУ) «Текстология и язык первопечатного Часословца», в котором были выявлены источники текста Часословца, являющегося, наряду с Октоихом, первым славянским изданием, напечатанным кириллицей (1491). Часословец содержит большое количество южнославянских черт. Однако анализ текста памятника показал, что одна из его частей — Месяцеслов — имеет большое количество черт русского правописания. Кроме того, в Месяцеслове упоминаются русские святые. Эти особенности позволяют предположить, что при печати памятника использовались русские, среднеболгарские и молдавские источники.

В докладе К. Волковой (МГУ) «Чудовское Евангелие (1-й пол. XVI в.): текстология

и палеография» был рассмотрен широкий круг текстологических проблем анализируемого памятника. Датировка Чудовского Евангелия 30-ми — 40-ми годами XVI века была проведена по филиграням и вкладной записи. Как продемонстрировала докладчица, рукопись принадлежит к Афонской, или русско-болгарской редакции. Анализ палеографии и орфографии памятника позволил прийти к выводу о том, что Чудовское Евангелие соединило в себе южно-болгарское, византийское и западное влияние.

В докладе Л. Новицкас (МГУ) «К вопросу об архетипе сборника „Великий миротворный круг“» был пересмотрен вопрос о месте первоначальной редакции Предисловия к «Великому миротворному кругу» в истории текста рукописи. Существует три редакции Предисловия (первоначальная, датируемая 7047 годом; редакции 7048 года и 7049 года). На основании упоминаемых в тексте дат и событий докладчица доказала, что Предисловие 7047 года нельзя назвать черновиком Предисловия 7048 года (как считалось ранее), и высказала предположение о том, что оно вместе с Предисловием 7049 года легло в основу так называемой редакции 7048 года. Кроме того, благодаря изучению филиграней, в работе уточняется датировка всей рукописи (не ранее 1559 года), что позволяет опровергнуть утверждение о том, что она принадлежала митрополиту Иоасафу, умершему в 1555 году.

О. Кузнецова (МГУ) в докладе «О проблеме взаимоотношения стихотворных текстов XVII века (на примере двух виршевых предисловий)» рассмотрела «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу» (Временнику) и вступительные вирши к Цветнику. Как первоисточник докладчица установила текст Временника и проследила изменения, связанные со сменой жанра произведения. В докладе было подвергнуто сомнению предположение А. М. Панченко о справщике Саввати как авторе виршей, хотя и отмечено, что вирши могут быть вписаны в наследие приказной школы стихотворства, которой Саввати принадлежал.

Вторую секцию составили доклады исследователей, выступавших по вопросам комментирования и издания текстов русской литературы первой половины XIX века. А. Соловьев (ИРЛИ) в докладе «Эдиционные проблемы „Путешествия в полуденную Россию“ В. В. Измайлова» выделил две редакции произведения, раннюю 1800—1802 годов и позднюю 1805 года, и ответил на главный вопрос, встающий перед текстологом — вопрос об основном тексте. Исследователь показал, что следование принципу последней творческой воли не отвечает задаче научного издания «Путешествия» как памятника литературы. Необходимо ориентироваться на то, какая редакция участвовала в историко-литературном процессе, а поскольку отзывы, критика, пародии, переводы, публикации отрывков из «Путешествия» строились

на ранней редакции, ее докладчик и предложил публиковать как основной текст.

С. Степина (СПбГУ) в докладе «„Письмо русского путешественника из Варны“ («Первое письмо из Болгарии») В. Г. Теллякова: опыт комментирования» вписала рассматриваемый текст в традицию жанра путешествий, отметила широкие перспективы для его комментирования, в первую очередь благодаря множеству реминисценций и аллюзий. В связи с тем, что архив Теллякова практически не сохранился, докладчица описала историю текста по его печатным источникам. Степина перечислила основные причины проведенных сокращений: придание тексту большей ясности и стилистической стройности; цензурные опасения.

В своем выступлении «О причинах забывчивости Ал. Григорьева: история текста произведения „Искусство и правда“ К. Зубков (СПбГУ) остановился на связи между эволюцией идеологии «молодой редакции» «Москвитянина» и творческой историей стихотворного произведения одного из сотрудников погодинского журнала. Анализируя реакцию на этот текст известного славянофила Ю. Ф. Самарина, докладчик показал, что посвященная театральной постановке комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» «элегия—ода—сатира» Григорьева должна рассматриваться не как лирическое сочинение, а как программная рецензия, основанная на националистической идеологии.

А. Бодрова (ИРЛИ — РГГУ) начала свой доклад о некоторых проблемах текстологии Баратынского с рассказа о трудностях, возникших в процессе работы над недавно вышедшим третьим томом Полного собрания сочинений и писем, которые были связаны с установлением датировок. В качестве примера были рассмотрены шуточные гекзаметры «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...», сочиненные Баратынским вместе с Дельвигом. Докладчица предложила пересмотреть традиционную датировку текста 1819 годом в пользу более поздней, основанную свою гипотезу о времени создания стихотворения (предположительно март — август 1822 года) на не учитывавшихся ранее биографических данных, а также на анализе историко-литературного контекста. По предположению Бодровой, гекзаметры Дельвига и Баратынского могли быть сочинены как пародия на знаменитую идиллию Н. И. Гнедича «Рыбаки», вышедшую в конце февраля 1822 года, представляя собой реплику в споре о жанре идиллии.

Третья секция была посвящена особой форме литературы — переводам, в первую очередь проблемам соотношения перевода и оригинала, вмешательству переводчиков и редакторов в текст. В центре внимания А. Борисовой (ИСАА), автора доклада «Японские переводы Книги Псалтирь: переосмысления и искажения», было прежде всего то, какие важные для Псалтири особенности были упу-

щевы переводчиками. Главной причиной погрешностей оказался язык. Японский имеет скудный метафорический потенциал, основной прием в нем — метонимия. Для псалтири же характерен именно метафорический нарратив, по Ж. Ф. Лиоттару. Попытка сохранить синтаксис и лексику оригинала привели к созданию перевода, удобного только при богослужении, попытка обойтись средствами собственно японского языка — к утрате трансцендентного смысла. Доклад вызвал интерес к переводам Псалтири на разные языки, к традиции буквального перевода и свойствам японской поэзии в целом.

Ф. Лацарик (Падуя) в докладе «Н. С. Гумилев — переводчик и редактор французской поэзии во „Всемирной Литературе“» осветила издательский, научно-просветительский, учебно-поэтический характер деятельности «Всемирной литературы». Судя по сохранившимся в РГАЛИ документам, среди неосуществленных планов издательства была подготовка разных антологий французских поэтов (символистов, парнасцев и т. д.) и полного перевода «Цветов зла» Ш. Бодлера под редакцией Гумилева. Из материалов для этой публикации реализована лишь вступительная статья, часть комментариев и маленький корпус завершенных текстов. Докладчица остановилась на переводе стихотворения Бодлера «Смерть любовников» (формально безупречный перевод Гумилева подвергся редактированию), а также правке М. Лозинским и А. Левинсоном перевода «Pantouns Malais» (из Л. Де Лиля). Анализ материалов показал механизм коллективного труда над текстами и важную роль фигуры редактора, цель которого — дать русскому читателю как можно более «точные» переводы, программно отличающиеся от «вольных» переводов предыдущей эпохи.

Доклад В. Полиловой (МГУ) «Перевод „Песни о моем Сиде“ В. И. Ярхо и его редакции» был основан на тщательном сопоставлении машинописи Ярхо с отредактированными вариантами его перевода Р. Шор и Ю. Корнеевым. Докладчица выявила основной принцип правки в каждом случае, показала зависимость переводческих решений Ярхо от его теоретической позиции, объяснила переработку внешними причинами (Ярхо были выдвинуты обвинения в буквализме). Редакторы стремились максимально «олитературить» архаический язык средневекового произведения, приблизить к современному читателю. В результате доработки текст перевода оказался очень далек от оригинала, а в ряде случаев и противоречил ему.

Второй день конференции начался с докладов по литературе XIX века. Доклад Ю. Красносельской (МГУ) «Толстой и Нечаев: к уточнению обстоятельств службы Л. Н. Толстого в С.-Петербургском ракетном заведении» вырос из комментария к письму Д. Я. Колбасина Толстому от 21 января 1858 года, в котором говорилось об отставке

Толстого. Хотя известно, что отставка Толстой добился за полтора года до письма, 26 ноября 1856 года, при реконструкции этой истории становится понятно, что «мытарства» писателя по получению официальной бумаги об увольнении от службы закончились лишь к тому времени, к которому относится письмо Колбасина. Кроме того, Красносельской удалось установить, что упоминающийся в письме В. В. Нечаев, с именем которого Колбасин связывал успех отставки, был заместителем начальника ракетного заведения и на тот момент — его руководителем, заменяя находящегося в отъезде командира ракетного заведения К. И. Константинова.

К. Герасимова (МГУ), посвятившая свое выступление сборнику О. Ф. Миллера «Русским детям. Из сочинений Достоевского» (1883), поставила вопрос о принципиальной возможности того, что работа Миллера, как он и заявлял, была действительно воплощением неосуществленного замысла Достоевского: познакомить детей с человеческим горем на примере содержащих детские образы отрывков. Об указаниях самого Достоевского подготовить детский томик известно из письма А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнгер от 19 ноября 1882 года. Миллер в 1883 году тесно сотрудничал с вдовой писателя при издании первого тома его Полного собрания сочинений. Так что, по мнению исследовательницы, скептицизм современников по отношению к преемственности сборника Миллера замыслу Достоевского не имеет серьезных оснований.

Свою версию творческой истории уже много раз исследованного текстологами произведения предложил Б. Цымбал (НАН Украины) в докладе под скромным названием «К истории первого издания „Народных оповідань“ Марка Вовчка». Подробно охарактеризовав заслуги своих предшественников (В. Доманицкого, Б. Лепкого, А. Дорошкевича) в изучении «Народных рассказов», исследователь подверг критике установленную ими линейную последовательность правки текста с участием П. Кулиша. Рассмотрев рукописи, он пришел к выводу, что существовал не один, а два рукописных источника издания (автограф рассказа «Сестра» и список остальных одиннадцати рассказов), набор же начался еще до официального разрешения.

Секцию русской литературы конца XIX — начала XX века открыло выступление Н. Поселягина (МГУ), указавшего на несколько ключевых проблем научного издания и комментирования текстов «поэзии из народа» рубежа XIX—XX веков: 1) выявление литературного и политического контекста, 2) ограничение литературы поэтов из народа от собственно низовой, 3) различение двух видов продукции, лирической и сатирической. Особенно остро встает проблема орфографии и пунктуации: в них проявляются литературные предпочтения поэтов-самоучек (включавших в свой канон довольно широкий круг имен — от Некрасова и Надсона до

Вальмонта и Брюсова), но вследствие малограмотности авторов и часто отсутствия рукописей надежные выводы бывают затруднительны. Ориентация на тот или иной образец важна и как изучение «фона» самой «высокой» литературы. Остановившись подробнее на произведениях Ф. Шкулева «Кузнецы» («Мы кузнецы и дух наш молод...»), докладчик датировал его 1905 годом (традиционная датировка — 1912 год — основана на дате публикации).

В докладе А. Сысоевой (ИРЛИ) были представлены некоторые способы датировки писем З. Н. Гиппиус к В. А. Венгеровой и Н. М. Минскому, готовящихся к публикации в очередном томе «Литературного наследства». Благодаря повышенному вниманию адресанта к эстетической составляющей переписки, дату зачатку можно определить по внешнему виду письма, к которому легко находится соответствующий конверт. Гиппиус обращалась к одним и тем же, волновавшим ее, сюжетам в ряде писем. В таких случаях датированные письма позволяют восстановить дату не датированных, но входящих в контекст эпистолярный, иногда с точностью до дня. Докладчица выстроила несколько подобных цепочек писем, относящихся к загадочным и экстравагантным эпизодам биографии Гиппиус.

С. Серегина (ИМЛИ) рассмотрела в качестве возможных источников стихотворения Н. Клюева «Песнь Солнцаосца» лекции А. Белого «Александровский период и мы в освещении проблемы „Восток или Запад“ и «Творчество мира», причем она обратила внимание не только на текстуальные переключки, но и на преемственность идей. Основывалась докладчица на документально подтвержденных событиях: беседах Клюева с Белым зимой 1917 года, присутствии Клюева на публичных выступлениях Белого 1917—1918 годов.

Доклад Е. Глуховской (РГПУ) «Эллис-прозаик (замысел рассказа «Странный матрос» в контексте творческого пути поэта)» основывался на исследовании записной тетради Эллиса из архивного фонда Э. К. Метнера в РГБ. В тетради представлен замысел книги рассказов, состоящей из одиннадцати произведений. Наиболее подробно описана схема первого из них — рассказа «Странный матрос». Глуховская реконструировала его сюжет и выявила ведущую тему — тему мистического пути, которая, выраженная как во внешней канве событий, так и в преображении, происходящем и с повествователем, и с главным героем, соотносится с основной идеей поэтических книг Эллиса и его жизнетворческой концепцией.

Докладчица последней секции обратилась к литературе 1920-х годов. Открыл секцию доклад П. Успенского (Тарту) «К вопросу о генезисе заглавия поэтического сборника Ходасевича „Путем зерна“». Помимо более или менее напрашивающихся контекстов (евангельская образность, романы Ф. М. До-

стоевского, лирика Н. А. Некрасова), автор связал заглавие книги стихов со статьей поэта «О завтрашней поэзии» (1918), а через нее — с метафорикой революционных стихов Есенина, Клюева и Орешина. По мысли докладчица, заглавие сборника содержало прямые революционные коннотации, однако со временем они перестали восприниматься читателями.

М. Канатова (Тарту) начала свой доклад «Блокоско-фетовский слой в первой книге Бориса Пастернака „Вблизи в гучах“» с обозначения общности философии трех поэтов, которые считали, что поэтический путь начинается благодаря невзгодам, и в пути поэта видели путь Христа. Докладчица продемонстрировала целый ряд соответствий между стихотворениями Пастернака, Блока и Фета, обращаясь к христианским мотивам, теме пробуждения поэтического дара, теме любви как источника творчества и теме смерти.

В докладе «К проблеме публикации статей В. П. Полонского (неопубликованные статьи В. П. Полонского в журналах «Печать и революция» и «Новый мир»)» А. Муляева (Саратов) рассказала о журнальных работах Полонского в необычном жанре, опубликованных в 1928—1929 годах под заглавием «Листики из блокнота»: тексты частью оформлены как дневниковые записки, частью как рецензии, сатирические зарисовки, ответы на критику. Нарочитая просторечность скрывает большую стилистическую работу. На основании архивных материалов докладчица продемонстрировала несколько стадий создания текста.

Доклад Е. Тюриной (ИМЛИ) «О текстологических принципах подготовки академического собрания сочинений М. А. Булгакова на примере повести „Собачье сердце“» был посвящен особенностям работы Булгакова со своими произведениями, его отношению к вмешательству других лиц. Докладчица выделила виды и причины правки текста. Тюрина описала и датировала три машинописные версии повести «Собачье сердце» и мотивировала выбор последней из них как основного текста. Критика современных публикаций повести позволила прийти к выводу о необходимости подготовки научного издания с полным сводом вариантов.

Конференция собрала многих слушателей. Сложность и высокий уровень решения поставленных в докладах задач, их живое обсуждение говорит о заинтересованности молодых исследователей в проблемах текстологии и о необходимости подобных мероприятий. В России конференция молодых исследователей по проблемам текстологии такого масштаба проводилась впервые, и эта инициатива оказалась удачной и плодотворной. Надеемся, организаторы не остановятся на первой успешной попытке и найдут в себе силы вновь и вновь проводить подобные конференции.